

АТАНАС ДАЛЧЕВ

■
С болгарского

Шесть стихотворений в переводе Марии Петровых

Атанас Далчев умер в 1978 году, Мария Петровых — совсем недавно. Оба они вступили в большое время.

Каким-то иным зрением видишь недавно ушедших, словно сняли с медленно возводимого здания строительные леса и оно предстало таким, каким задумано, каким стоять ему долгие годы.

Стихи Атанаса Далчева мы знаем в переводах Марии Петровых. Она была переводчиком, внушавшим огромное доверие. Я знаю ее искреннюю заботу об оригинале, бережность и подлинную страсть, которые она вносила в переводческое творчество. Мало кто наделен таким талантом сопереживания и способностью воссоздать на чистейшем русском языке стихи другого поэта.

Стараниями Марии Петровых на русском языке заговорили болгарские поэты Пенчо Славейков, Пейо Яворов, Николай Лилиев, Валерий Петров и Атанас Далчев.

Может быть, Далчев был ей ближе других.

Здесь не имеется в виду сходство или родство дарований. У каждого из поэтов свой поэтический мир, свой способ выражения. Переводческое «перевоплощение», если переводчик — истинный поэт, дело довольно условное. Я говорю о сердечности и степени уважения, которые чувствуются в строках «русского» Далчева, об огромной самоотдаче Марии Петровых.

Привлекательной чертой Атанаса Далчева является его сдержанность без сухости. Он немногословен. Его лирические сюжеты кажутся простыми и никогда не растянуты. Однако за каждым из них стоит большой и протяженный опыт сердца и ума. Переживания редко высказано, оно передано лишь в интонации. Добыть и воссоздать этот «второй план» — нелегкое дело для переводчика, не сразу постигает его и читатель.

Далчев, как каждый взыскательный художник, остро ощущает несоответствие замысла (того, что задумано) и воплощения (того, что получилось).

«Художник хотел нарисовать ветер и видел всегда, что рисует другое».

Но в его понимании этого несоответствия нет безнадежности. В конце концов при всем несовершенстве творения оно выполняет свою главную функцию — пробуждение совести: «вы не спите, совесть ваша рядом с ним не спит» («Поэт»).

У Далчева нет высоких и риторических фраз о назначении поэзии, но ее гражданский смысл он определяет ясно и просто: пробуждать совесть.

АТАНАС ДАЛЧЕВ (1904—1978).

Болгарский поэт, народный деятель культуры Болгарии. Первый сборник его стихов «Окно» («Прозорец») вышел в 1926 г. Переводил с русского французского, испанского и немецкого. На русском языке издано «Избранное» А. Далчева (М., 1974), стихи публиковались в «Иностранной литературе» (№ 6, 1971) в сборниках и антологиях. Предлагаемые стихотворения взяты из книги «Балкони» (София, 1972) и журнала «Септември» (№ 3, 1975 и № 10, 1977).

Еще одна отличительная черта Далчева. Высокое содержание он всегда «обставляет» реалиями обыденной жизни. Это не для «снижения», как называют этот прием литературоведы, а для зримости, для «овеществления» поэзии. Стихотворение «Поэт» — прекрасный пример сказанного.

Я однажды назвал далчевский способ поэтического видения «эффектом окна». Он не останавливает мгновение, как в стоп-кадре, не вырывает с мясом яркий эпизод из бесконечного времени и пространства реальной жизни; его способ выделить из множества явлений одно — заключить его в раму окна, то есть придать ему форму предельно естественную и определенную и при этом показать реальность наблюдателя-поэта, реальность его точки зрения.

Атанас Далчев был очень взыскателен к себе. Стихотворения, включенные в данную подборку, как мне говорили болгаристы, — почти все, что он напечатал в последние годы.

Они прибавят еще несколько ярких образов к поэзии Далчева, которую мы знаем по небольшой книге, переведенной Марией Петровых, книге, включающей кроме стихов замечательные короткие записи и уже завоевавшей признание советского читателя.

Д. САМОИЛОВ

Художник и ветер

Художник хотел нарисовать ветер
и рисовал листья, что летели в смятении с веток
осенних,
будто искры бушующего костра.
Он хотел нарисовать ветер
и рисовал, как, поблескивая, струится трава на лугу.
Он хотел нарисовать ветер
и рисовал облака в их паническом бегстве по небу.
Художник хотел нарисовать ветер
и видел всегда, что рисует другое.

«Александр Невский» в тумане

Когда туман спускается — вначале
лишь золотые купола померкнут,
а каменный корабль высокой церкви
чуть позже гонет, медля на причале.

Но вот шаги и голоса стихают.
Многообразье красок, трезвость линий
в небытии тумана исчезают,
и видимого нет уже в помине.

В безмолвном этом кораблекрушенье
лишь гул большого колокола странный
едва доносится из погруженья
в густую мглу, как в недра океана.

Зато потом блеснут небес глубины
от мокрых куполов, а скаты крыши
покажутся и зеленей и выше,
как от сырых напластований тины.

Приятелю

Ты, говоришь, купил в какой-то деревеньке
один из тех домов, где нет уже хозяев,
и сможешь там творить спокойно — в отдаленье
от суеты пустой, от шума городского.

Дивлюсь, приятель мой, твоей ошибке странной:
ты с совестью твоей там не найдешь покоя.
В покинутых домах присутствует тревога,
и призраков полно под опустевшей кровлей.

И ты ошибся: треск ступенек деревянных
исходит от шагов, а не от древооточца,
и не в трубе печной, как счел ты, воет ветер —
то бесприютных душ доносится рыданье.

Предчувствую — вот-вот увидишь поздней ночью,
от полнолуния прозрачно-голубую, —
они пустым двором приблизятся неслышно,
вернутся в дом родной, захваченный тобою.

Нежданный дождь

Казалось — ясен день, но, тайно полойдя,
нас дождь застиг врасплох, ударив зло и хлестко;
едва успели мы укрыться от дождя
под деревом, вблизи закрытого киоска.

Под плотную листвой в глуши зеленой тьмы
в нас чувство смутное очнулось ненароком,
и, как давным-давно, вновь сказались мы
влюбленными детьми на чердаке высоком.

Виднелось небо нам, как в слуховом окне,
а переплет ветвей напоминал стропила...
Склонилась головой она на грудь ко мне,
и вновь ее лицо зелено-смуглым было.

Стояли молча мы, и словно лишь сейчас
впервые в жизни здесь смогли уединиться,
и слушали, как дождь шумит, оставив нас
под темной кровлею зеленой черепицы.

Поэт

Он к себе домой идет неспешно,
смутно улыбаясь, погружен
в некий мир — невидимый, нездешний.
Ничего вокруг не видит он.

Здесь для всех какой-то он особый;
старики, прервав свою игру,
бросят карты и следят со злобой,
как домой идет он по двору.

Женщины, в тазах белье оставя,
на балконах поднимают крик,
чтобы все их Митенце и Славе
со двора домой вернулись вмиг.

Вдовушка — соседка молодая
с вечно голой грудью — много дней
зло следит за ним, подозревая,
что подослан он следить за ней.

И завскладом, с виду столь почтенный,
неспокоен, как и все вокруг;
он, дрожа, сжимается мгновенно,
кражи и растраты вспомня вдруг.

А когда, пристроясь у лампы,
сочиняет человек стихи —
думают, что пишет он доклады
лишь про них про всех, про их грехи.

И на корточках — так лучше видно
смутную луну его окна —
все сидят и смотрят, всем обидно,
и завять им впору истемна.

Эх, да говорите, что хотите,
будто ваш мирок ему претит!
Въехал он сюда — и вы не спите,
совесть ваша рядом с ним не спит.

Дикий бурьян

Чего не делал я, чтобы не думать
о ней, и все же думал непрестанно,
встречал ее на каждом перекрестке,
она во сне меня не покидала
и в ночь бессонную была со мною.
Мне в сердце проросла бурьяном диким,
я выдернуть его не мог оттуда.

Тогда решил я сблизиться с другою.
Она была и ласковой, и милой.
Покамест я прогуливался с нею,
о первой и не вспоминал не думал,
но стоило мне с девушкой проститься
и вниз сбежать по лестнице скрипучей
как первую встречал я у калитки.

Она меня ждала, и, обезумев
от счастья, с ней, с единственной, с любимой,
бродил я, как бывало, до рассвета
под редкими ночными фонарями
по улицам, почти что опустевшим;
мы разговаривали и смеялись,
расстаться, как всегда, не в силах.

Нам изредка прохожие встречались
и видели, как юноша нелепый
идет один и радостно смеется
и разговаривает сам с собою.

ПЕТРОВЫХ МАРИЯ СЕРГЕЕВНА (1908—1979).

Советский поэт. Начала печататься с 1934 г. в журналах и альманахах. Выпустила книгу стихов «Дальнее дерево» (1968). Много переводила советских поэтов преимущественно армянских и литовских, а также поэтов славянских стран — П. Славейкова, П. Яворова (Болгария), Б. Лесьмяна, Ю. Тувима, К. И. Галчинского (Польша), Ф. Прешерна, М. Крежу, Ст. Раичковича (Югославия) и др. В 1974 г. в ее переводе вышла книга стихов А. Далчева «Избранное».